

18+

Равиль Садыков

Байки-побайки

Серия рассказов из армейской жизни

Равиль Садыков

**Байки-побайки. Серия
рассказов из армейской жизни**

«Издательские решения»

Садыков Р.

Байки-побайки. Серия рассказов из армейской жизни /
Р. Садыков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-556034-6

Армия — это жизнь, и в ней случается разное. Многих из нас армия научила умению не пасовать перед встречающимися на нашем жизненном пути опасностями, и быть готовым подставить плечо другу-товарищу, и, не раздумывая ни секунды, прийти ему на выручку в трудную для него минуту. Он становился частью тебя, братом, тем единственным человеком, на которого ты мог всецело положиться.

ISBN 978-5-00-556034-6

© Садыков Р.
© Издательские решения

Содержание

Байки – побайки	6
ОТ АВТОРА	7
ВАГОНЧИК ТРОНЕТСЯ	8
КОМДИВ	9
НА ДЕМБЕЛЬ НА ЛЫЖАХ	12
«ФАНТОМАС»	15
ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ	17
ТАРАН	19
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ОТПУСКА	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Байки-побайки

Серия рассказов из армейской жизни

Равиль Садыков

Иллюстратор Равиль Садыков

© Равиль Садыков, 2024

© Равиль Садыков, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0055-6034-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Байки – побайки УТОЧНЕНИЕ

Некоторые герои, персонажи и события, описанные в этой книге, являются плодом авторской фантазии либо случайными совпадениями.

ОТ АВТОРА

Многие те, кто сейчас читает эти строки, уверен, что знают об армейском быте не понаслышке: как говорится, на вкус и на ощупь познали все тяготы и лишения нелегкой армейской жизни, с которыми нам приходилось сталкиваться на военной службе, но даже спустя годы я убежден, что многие из нас вспоминают о годах, проведенных в армии с некоторой грустью. Мы вспоминаем о тех людях, с которыми нас свела в те годы судьба, о пережитых событиях, порой смешных и забавных, а порой грустных и драматичных. Вот из таких воспоминаний и была составлена моя книга, с которой я и хочу вас познакомить.

ВАГОНЧИК ТРОНЕТСЯ

На Тихорецкую состав отправится.
Вагончик тронется, перрон останется.
Стена кирпичная, часы вокзальные...

Это слова из песни, которая прозвучала в культовом фильме 80-х годов прошлого столетия режиссера Эльдара Рязанова – «Ирония судьбы, или с легким паром!». Слова песни написал известный поэт Михаил Львовский, а музыку – замечательный композитор Микаэл Таривердиев.

Не знаю почему, но именно сейчас пришли мне на память эти слова. Возможно, это связано с тем, что для многих из нас наше знакомство с армией начиналось именно с отправления поезда: вагон, заполненный людьми вокзал, теми, которые встречают кого-то или провожают, а может, они сами куда-то едут... Шум, суета, гудки маневровых, носильщики, катящие перед собой тележку с чемоданами: «Посторонись! Поберегись!», женщины, закутанные в бесчисленное количество платков и оттого похожие на кукол-неваляшек со множеством баулов и сумок. Хриплый голос из репродуктора: «...поезд на Воркуту – отправляется с третьего перрона...»

Потом, став старше, я часто буду приходить на вокзал, садиться в зале ожидания и часами наблюдать за царящей вокруг меня суетой, людьми, толпящимися у билетных касс, кричащие, ругающиеся и протискивающиеся к маленькому окошку в надежде получить билет хотя бы в общий плацкарт, спешащие на поезд, и теми, кто уже приехал. Слушать стук колес, гудки проходящих мимо товарных поездов, стук сцепляющихся вагонов, постукивания молоточка обходчика с длинной ручкой, которым он стучит по колесам, проверяя, нет ли у них дефектов и вдыхать запах ни с чем не сравнимого «аромата» привокзальной жизни. Сейчас вокзалы стали другими. Теперь, все что я описал, уже экзотика, оставшаяся в далеком прошлом. Поменилась страна, вокзалы, поезда и сами люди.

КОМДИВ

Был в нашей дивизии замечательный командир, потомственный офицер – генерал-майор Владимир Степанович Краев, человек преданный своему делу и десантным войскам. Про таких у нас говорили: Маргеловский воспитанник. Как и его наставник – генерал армии и легендарный командующий Воздушно Десантными Войсками, Герой Советского Союза, фронтовик, лихой разведчик Василий Филиппович Маргелов, – Владимир Степанович сделал много добрых дел для поднятия престижа воздушно-десантных войск. Был он человеком твердым, но справедливым. О Владимире Степановиче в бытность его комдивом в нашей дивизии ходило множество различных рассказов и легенд. Часть из них была правдой, а часть, возможно, простым вымыслом. Мы часто окружаем наших героев ареалом героизма и таинственности, приписывая им самые невероятные качества и поступки. Но были и правдивые рассказы. Вот о таких нескольких эпизодах, связанных с Владимиром Степановичем, я вам сейчас и расскажу.

Командовал генерал-майор Краев 7-й ВДД, которая в те далекие советские годы дислоцировалась в Литве. Тогда же на базе этой дивизии был создан учебный центр для подготовки личного состава десантных войск, куда входили: аэродром, казармы для личного состава, учебные классы, танковый полигон и стрельбище, на котором отрабатывались боевые дневные и ночные стрельбы из всех видов оружия, стоящих на вооружении в воздушных десантных войсках в то время. Учебный центр был любимым детищем генерал-майора Краева, которым он мог по праву гордиться, да и сам командующий Василий Филиппович, едва у него выдавалась такая возможность навещал учебный центр, чтобы пообщаться со своим воспитанником и получить возможность отдохнуть от столичной кутерьмы. Для этого в лесу недалеко от учебного полигона специально был построен охотничий домик. Мне в свое время и самому довелось служить в этом учебном центре.

Генерал Краев был человеком простым и не любил помпезности. Он часто приезжал в учебный центр, так сказать, по-свойски, запросто, чем доставлял немало хлопот своим заместителям.

Бывало, построятся все командиры перед главным въездом в учебный центр, ждут прибытия комдива, нервничают, а тут вдруг у ворот появляется никому не известный бензовоз и начинает сигналить, да так громко и настойчиво, словно не понимает всей важности текущего момента. Тут из строя выбежит какой-нибудь начальник с большими звездами на погонах и «начнет на чем свет стоит» крыть водителя бензовоза трехэтажным...

– Ты чего, сукин сын, б... тут рассигналился!

Только он распалится, а тут, глядь, из машины выходит сам генерал. Оказывается, его машина по дороге сломалась, вот он и приехал за рулем бензовоза, а водителя бензовоза попросил помочь водителю своей персональной машины, которая встала на дороге, починить ее и пригнать в центр.

Особенно тяжело приходилось его заместителям и командирам частей, если нагрянет комдив с внезапной проверкой, в один из полков, отдельный батальон, либо в учебный центр, особенно в те дни, когда намечается проверка из Москвы, либо учения. Нет, Краев не был карьеристом, который стремился любыми путями произвести хорошее впечатление на важных столичных бонзов, чтобы получить очередную генеральскую звезду либо теплое местечко, но и в грязь лицом перед заезжими столичными проверяющими не хотелось ударить – ему в первую очередь была дорога честь его дивизии.

Вот и на этот раз перед одним из таких событий – инспекции из генерального штаба, собрал генерал всех своих заместителей и приказал им навести на учебном полигоне идеальный порядок, а сам, в один из дней, отправился проверить, как его замы справляются с постав-

ленной задачей. Причем следует заметить, выезжая из штаба генерал никогда не говорил, куда именно он направляется, чем ставил всех в глубокое замешательство – поди знай, куда генерал направился. Приехал – нежданно-негаданно и нашел кучу недоделок и недостатков, после чего у многих из офицеров дивизии сильно испортилось настроение. Построив всех своих заместителей и ответственных командиров, генерал объявил:

– Даю вам две недели на устранение всех недостатков! – произнес строгим голосом генерал, обводя всех присутствующих суровым взглядом.

А взгляд у генерала был действительно очень суровый, особенно в те минуты, когда он сердился и был не доволен, даже мурашки до самого нутра пробирали и всем хорошо было известно, что генерал своих слов зазря на ветер не бросал, никому не хотелось попасть «под суровую руку» генерала. Хотя, по справедливости, нужно добавить, что беспричинно генерал никого не ругал.

– В случае неисполнения приказа, виновный лишаться своей должности, а то и со званием придется распрощаться, – для того, чтобы его слова глубже проникли в сознание всех присутствующих, генерал сделал паузу. – На кону честь нашей дивизии, – он снова сделал паузу, тем самым усиливая значительность момента. – Я ясно выразился!? – в завершении еще более строгим тоном спросил генерал.

– Так точно! – хором произнесли все присутствующие.

– Вот и хорошо, – примирительным тоном произнес генерал, – встретимся через две недели и подведем итоги.

Две недели офицеры дивизии устраняли недостатки: драили казармы, приводили в порядок, боксы, полигоны, учебные классы – трудились не покладая рук, конечно же в виртуальном смысле, для этого в армии существуют офицеры ниже по рангу, младшие чины и солдаты, ходя имелись и исключения из этого правила. Я сам знал нескольких офицеров, которые не чурались грязной и тяжелой работы и засучив рукава брались за любое дело, показывая пример своим подчиненным и руководствуясь старым добрым армейским принципом – делай как я.

Существует такое расхожее выражение – плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Опираясь на свой многолетний опыт службы в рядах вооруженных сил, я могу с уверенностью заявить, что солдат в 99 и 9 десятых процента из 100 возможных мечтает о дембеле, а вот офицеры – это другое дело... Нет такого офицера, за редчайшим исключением, который не хотел бы заработать очередную звездочку и получить более высокую должность – оттого и проявляли не дюжее рвение к службе, стараясь не «щадя живота своего» выполнить поставленную перед ними задачу и непрестанно напоминая своим подчиненным: о высоком воинском долге, верности военной присяге и уставу. Хотя по большей части, весь – этот напускной пафос к реальным делам проистекающих в недрах армии: строительство дач для больших начальников, покраска травы и тупая муштра и прочая дребедень, которым славилась наша «славная» армия, не имел никакого отношения к боевой подготовке. Быть может, в наши дни все это уже поменялось и все эти былые извращения канули в прошлое, хотя, кто знает...

Но вернемся к генералу Краеву. Скажу прямо, генерал, в моей памяти, был редким исключением из числа многих командиров, которых в первую очередь заботила собственная корысть. За время службы я видел не одного генерала и на моем веку сменился не один командующий дивизии. О каждом из них можно написать отдельную историю и смею заверить, что среди них были прелюбопытные личности, которые в последствии достигли больших должностей, даже стали министрами обороны... Но в моей памяти – эти люди не оставили доброго следа за редким исключением.

Конечно, любой человек имеет какие-то слабости. К примеру, генерал не чурался и хороших компаний, мог запросто пропустить рюмочку – другую в кругу своих подчиненных, но исключительно не в служебное время – не в ущерб службе и зная меру. Еще генерал Краев очень любил природу, он частенько в одиночку мог отправиться погулять по лесу, благо леса

вокруг полигона, скажу честно, были замечательные, девственные – сосны и ели, грибы, ягоды, всякая живность: кабаны, лоси, зайцы, лисы, а главное тишина, когда на полигоне не стреляли.

Вот и на этот раз, генерал приказал остановить машину, не доезжая несколько километров до учебного центра.

– Ты поезжай, – сказал он своему водителю, – а я пешком прогуляюсь, воздухом подышу.

А в это время у ворот, на КПП, собрались все его заместители и подчиненные, ждут генерала, волнуются.

Подъезжает водитель к КПП, а на встречу ему уже бежит полковник, приставив ладонь к козырьку – отдавая на ходу честь. Только он было собрался отрапортовать по всей форме, даже каблуками щелкнул и уже произнес первые слова, вытянувшись в струнку и подбирая живот, который с трудом обхватывала его портупея – «товарищ генерал!», смотрит, а в машине только генеральский водитель.

– Где генерал? – спрашивают он с озабоченным видом водителя.

– Решил пешком пройтись, – с безразличным видом отвечает водитель.

У полковника чуть инфаркт не случился.

– Ка-ак... – только и смог проговорить он.

Что тут началось, словами не передать, собравшиеся у КПП офицеры, чтобы встретить своего генерала, загудели, словно пчелиный улей. Все в полном смятении. Поди знай, откуда генерал появится и что он может углядеть, прогуливаясь по дальним закуткам учебного центра пешочком. Краев был в этом отношении глазастым: любую неточность с ходу замечал.

Следует отметить, что генерал Краев обладал великолепной памятью и всех офицеров, служивших в дивизии, а также прапорщиков и сверхсрочников помнил в лицо и по имени и фамилии. Вечером после службы, бывало, выйдет комдив на берег Немана прогуляться, глядь, а некоторые военнослужащие его дивизии, уютно устроившись на берегу реки, где-нибудь в кустах, занимаются распитием спиртных напитков. Нет, генерал не был против употребления спиртных напитков в разумных пределах, но исключительно во внеслужебное время, не в военной форме и не в общественных местах, которые могли посещать гражданские лица и соблюдая честь мундира.

Так вот, пройдет, бывало, генерал вечерком вдоль берега, а утром несколько человек уже стоят перед генералом у него на ковре... И ведь только мельком посмотрел, а уже запомнил.

Теперь сами понимаете, в каком положении оказываются все эти полковники, подполковники, майоры. Мечутся в панике по территории учебного центра, а он огромный, поди угадай, из какого угла генерал проявится, а Владимир Степанович выходит со стороны стрельбища и ягоды кушает. Он пока шел, полную фуражку ягод набрал, благо в тех краях их произрастало превеликое разнообразие и множество.

Вот такой был генерал Краев.

А случалось и такое: как-то идут два генерала по лесу, Василий Филиппович и Владимир Степанович, и видят, как два солдата пилят двуручной пилой бетонный столб.

– Вы что это тут делаете, сынки? – спрашивает их Василий Филиппович.

Один, который из солдат побойчее, четко рапортует:

– Пилим бетонный столб – товарищ командующий!

Посмотрел Василий Филиппович на столб бетонный, на пилу двуручную посмотрел.

– Ну, что же, – сказал командующий. – Продолжайте пилить.

Вы наверняка подумаете, что это выдумка. Что двуручной пилой, которой обычно распиливают бревна на поленья, невозможно распилить бетонный столб. Ничего подобного. Нет в армии ничего такого, с чем не смог бы справиться солдат.

– Нет такой задачи, с которой не справится советский десантник! – любил говаривать Василий Филиппович Маргелов.

НА ДЕМБЕЛЬ НА ЛЫЖАХ

Был у нас в полку один начальник штаба. Если кто не знает, в армии есть такое место, которое называется штаб – это такое здание, где есть много комнат – кабинетов, в которых с важным видом сидят большие начальники: командир полка и все его замы, помощники, писаря и решают важные стратегические задачи. Еще там хранят полковое знамя – величайшую святыню полка – у которого денно и нощно дежурит солдат, охраняющий это самое знамя, есть секретная комната с секретными документами и финансовая часть, где сидит начальник финансовой службы полка, комната, где хранится оружие. Вообще много чего есть в штабе – всего и не перечислишь.

И если есть штаб, то должен, стало быть, у этого штаба быть и свой начальник. Нужно же кому-то следить за порядком в штабе. Вот и у нас в полку был свой штаб и был у этого штаба начальник. Скажем прямо, хороший начальник – грамотный боевой офицер. Не карьерист, не выскочка, службу знал и с подчиненными умел правильно общаться. И были у начальника в штабе писаря – это те, кто всякие бумажки пишет – солдаты и гражданские. У солдат-писарей служба, надо сказать вам, была не слишком тяжелая, но ответственная. Сиди себе в штабе и заполняй разные бумажки, ни тебе нарядов, ни тебе дежурств, «тепло, светло, и мухи не кусают», только умей писать красиво, без помарок и грамотно, одно только плохо – очень скучно. Но все это компенсировалось тем, что у писарей были в полку и свои привилегии, ну, скажем, в столовой лишнюю «порцайку» получить (хотя «порцайка» никогда лишней не бывает), внеочередное увольнение заработать, в отпуск домой к маме съездить и другие разные вольности, которые не воспрещались уставом. Короче, возможностей у штабных писарей было гораздо больше, чем у тех солдат, кто тянул лямку в ротах. Вся заковырка была в том, что в штабные писцы набирали не абы кого. Нет, в писари брали исключительно тех, кто умел красиво и грамотно писать, без помарок, а такие люди были в Советской армии на вес золота. Были такие и в нашем полку.

И вот среди этих самых писарей был один солдат, назовем его рядовым Пупкиным, который имел исключительно красивый почерк и писал ровнее и аккуратнее других, но были у этого солдата и свои отрицательные стороны – уж больно он был недисциплинированным и систематически нарушал устав. Что только с ним начальник штаба ни делал, чем его только ни страшил: и на губу сажал – это там, где отбывают наказания провинившиеся солдаты; и увольнительных ему не давал, но солдат все продолжает нарушать дисциплину. А выгнать его из писарей начальник штаба не может, хотел бы, да никак не получается – очень уж этот солдат красиво пишет, напишет какой-нибудь график на куске большого ватмана: любо-дорого на него посмотреть, так все аккуратно и ладно у него выходило – буква к буквке, и все линии такие ровные, не придерешься.

А вот со службой у него была прямо настоящая беда. В общем, мучился с ним наш начальник штаба вплоть до того момента, когда этот солдат должен был уходить на дембель – увольняться со службы.

Следует добавить, что начальник штаба был человеком умным и волевым, а главное – терпеливым, если он так долго терпел выходки этого солдата. Но и на старуху бывает проруха – говорится в одной мудрости. Однажды не выдержал начальник штаба и вспылil. Да так сильно, что в сердцах пообещал солдату припомнить все его злодеяния. Так прямо и сказал: «Отольются мышке – кошкины слезы». И выполнил свое обещание.

Случилось это под самый Новый год, и было это так.

В Советской армии существовало правило: после публикации в центральной советской прессе приказа министра обороны о демобилизации издавался приказ по части, в котором указывалась очередность увольнения личного состава. На основании этого приказа в ротах

и в отдельных взводах составлялись списки, на основании которых и происходило увольнение из рядов вооруженных сил. В первую очередь увольнялись те, кто, по мнению командиров, заслуживал это право своим ратным трудом и сумел доказать, что он этого достоин.

С момента издания приказа и до момента демобилизации могло пройти не менее двух, а то и трех месяцев. Для солдат – это был самый тяжелый период: период ожидания... Хотя командир по собственному желанию не мог удерживать солдата больше положенного по закону срока, если солдат не совершал никаких противоправных действий, он был обязан уволить солдата, выдав ему все необходимые документы: билет до места назначения, суточные и воинское предписание, где черным по белому указывалось, что солдат отслужил положенный ему срок и уволен в запас, что он обязан в течение N-го количества времени явиться в военкомат по месту жительства и встать на учет согласно существующему закону.

С момента выхода приказа (по неофициальной армейской «табели о рангах») солдат становится «дедушкой» – старослужащим, который не слишком-то обременял себя службой, нарядами и работой, за исключением так называемых аккордных работ: построить баню на даче командира или забор починить, стены покрасить и всякое другое, что, как правило, в большинстве своем не относилось непосредственно к военной службе. Но аккордные работы когда-то тоже заканчиваются, и вот уже все дембеля разъехались по домам, а наш писарь ходит по полку – один-одинешенек, держа руки в карманах (что вообще-то не положено по уставу), словно неприкаянный.

Как я уже писал, случилось все это под самый Новый год – 31 декабря. Дольше этого срока командир не имеет права удерживать военнослужащего в части. Наш штабной писарь, как говорится, попал под раздачу. Все его сослуживцы, его одноклассники, с которыми он призывался, уже давно гуляли на гражданке со своими подругами, держа их нежно за талию, а он все еще находился в части.

И вот 31 декабря, ровно в 21.30, начальник штаба строит полк на «вечернюю зарю» – с исполнением торжественного марша полковым оркестром и гимна нашей великой страны – была когда-то такая, Советским Союзом называлась.

После того как отзвучали фанфары, начальник штаба от имени командования части и от себя лично поздравил всех военнослужащих полка с наступающим Новым годом и пожелал им и их семьям счастья и здоровья в будущем году. В самый канун Нового года командир полка отправился с семьей в отпуск – здоровье поправить, и ВрИО командира части был назначен начальник штаба. Зима в тот год выдалась не совсем новогодняя – шел морозящий дождь и абсолютно не было снега. Но разве дождь солдату помеха?

Закончив с поздравительной речью, начальник штаба уже было собрался отдать приказ дежурному по полку вернуть личный состав в расположения рот, как вдруг вспомнил о том самом солдате – писаре. Либо просто сделал вид, что запямятовал – поди узнай.

Он подошел к дежурному, что-то тихо сказал ему на ухо, и тот, сойдя с трибуны, стал быстро удаляться в сторону штаба, а сам начальник штаба обратился к солдатам со следующими словами:

– Товарищи военнослужащие! Сегодня, в канун наступающего Нового года, я рад сообщить вам еще одну замечательную новость. Сегодня наш товарищ (далее следовали имя и фамилия солдата), отслужив положенный ему по закону срок, согласно приказу министра обороны и командира части, увольняется с действительной военной службы и отправляется в запас. Рядовой Пупкин, выйти из строя! – скомандовал начальник штаба.

Отчеканив положенные в таких случаях три строевых шага, рядовой Пупкин вышел из строя и повернулся лицом к своему подразделению.

– Полк – в каре (построение четырехугольником)! – скомандовал начальник штаба громким и зычным голосом. – Рядовой Пупкин, поднимитесь на трибуну.

Солдат, как ему и было приказано, бегом поднялся на трибуну и встал рядом с начальником штаба.

– Прощу любить и жаловать, товарищи! Это наш боевой товарищ, который отслужил положенные ему по закону два года и теперь с чистой совестью и чувством исполненного перед родиной долга отправляется домой.

Начальник штаба повернулся к солдату и пожал ему руку, да так сильно пожал, что у солдата кончики пальцев стали белыми и он чуть не вскрикнул от боли, а затем начальник штаба притянул солдата поближе к себе, обнял за плечи и так тихо, так, чтобы никто не слышал, сказал ему на ухо:

– Если не наденешь лыжи, то документы не получишь.

Солдат не сразу уловил смысл в словах начальника штаба, пока не увидел бегущего к трибуне с парой деревянных лыж и лыжными палками дежурного по части. И тут в его голове начали копошиться разные нехорошие мысли, взгляд его потускнел, а выражение лица изменилось.

Начальник штаба, продолжая удерживать руку солдата, чтобы тот ненароком не сбежал, обратился уже ко всему полку и продолжил:

– Рядовой Пупкин за отличную службу и примерное поведение на протяжении всего срока службы от имени командования полка и от меня лично награждается лыжами. И сейчас, рядовой Пупкин, продемонстрируйте всему полку, чему вы научились за годы службы в армии.

В этот самый момент дежурный по части вручил солдату эти самые злополучные лыжи, и весь полк дружно разразился хохотом, а в эту самую минуту начальник штаба, снова приблизившись к солдату, прошептал ему на ухо:

– Документы получишь на КПП. Надевай лыжи и катись. И чтобы я тебя в полку больше не видел. Увижу – арестую, и будешь ты еще десять суток сидеть на гауптвахте. Ты меня понял?

Солдат понял, что на этот раз начальник штаба не шутит и обязательно исполнит свою угрозу. Ему не оставалось ничего другого, как надеть эти самые злосчастные лыжи и катиться по мокрому от дождя асфальтированному плацу в направлении КПП. Но лыжи катиться не хотели, и ему пришлось бежать, высоко и смешно задирая ноги, словно цапля, под несмолкаемый оглушительный хохот всего личного состава полка.

Больше его в полку никто не видел. Поговаривают, что он даже за парадкой своей не вернулся. А дембель без парадки – сами понимаете...

Вот такая история случилась у нас в полку в самый канун Нового года.

«ФАНТОМАС»

(Человек-фантом – персонаж, созданный французскими писателями Марселем Алленом и Пьером Сувестром.)

Был когда-то такой знаменитый французский фильм «Фантомас» – человек-фантом, загадочный злодей. В начале это была серия романов из 32 книг, а потом по ним сняли фильм. В Советском Союзе выход этого фильма на экраны отечественных кинотеатров был сродни всеобщему помешательству. Все мальчишки просто с ума сходили, сбегали с уроков, чтобы посмотреть этот фильм. Буквально на каждом заборе, или стене жилого дома, либо в подъездах можно было прочесть надпись – «Фантомас» или «Фантомас разбушевался». Каждый мальчишка непременно хотел походить на этого загадочного героя-злодея в исполнении знаменитого французского артиста-красавца Жана Море, от которого была без ума большая часть женского населения нашей планеты и, как потом выяснилось, не только женской.

Но в нашем рассказе речь пойдет не о фильме и не о знаменитом актере, а о самом обыкновенном человеке, ничем, казалось бы, не выделяющемся гражданине. Разве что звали его, как и злодея-героя из фильма – Фантомас, точнее это было его прозвище. Общим между этими двумя персонажами было только отсутствие волос на голове, а во всем остальном наш Фантомас был вполне обычным человеком. Не знаю уже, кому пришла в голову идея назвать его Фантомасом, но он постепенно привык к этому прозвищу и стал даже со временем на него откликаться.

Работал наш Фантомас самым обыкновенным сварщиком – сваривал трубы и разные железяки. Хотя тут следует оговориться, что был Фантомас не совсем уж простым сварщиком, он был специалистом и мастером – золотые руки, Кулибин, как принято было называть в свое время таких людей. Фантомас мог найти выход из самых, казалось бы, безвыходных ситуаций. Случись что: ну, там, труба потечет, кран закапает – кого нужно позвать? Фантомаса – он все починит, и все заварит, и все исправит.

Чаще всего его вызывали, если где-то случалась течь, к примеру труба в канализационных и дренажных колодцах прохудилась и нужно ее срочно починить, поставить чеку – специальное приспособление, чтобы устранить течь. А текли трубы в Советской стране очень часто.

Вот как-то раз вызвали нашего Фантомаса срочно устранить течь в трубе. Труба эта находилась в жилом районе – в городке рядом с воинской частью. Жили в этом городке по большей части семьи военнослужащих означенной воинской части. И связывала городок с этой частью не только повседневная жизнь его обитателей – служба, но и разветвленная система канализационных колодцев, которая брала свое начало в недрах этой самой войсковой части, проходила под городком, а затем устремляла свои стоки к реке, куда и сбрасывались все вытекающие из этой самой канализационной системы отходы человеческой и не только человеческой жизнедеятельности. Как говорится, просто и надежно, без всяких изысков.

Была у Фантомаса одна не совсем здоровая привычка, скорее даже не привычка, а традиция – прежде чем начать какую-то работу, он должен был обязательно перекурить.

– Любое важное дело нужно начинать с перекура, – любил философствовать Фантомас. – Как говаривал нам Владимир Ильич Ленин, вождь мирового пролетариата: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». А наиважнейшим из всех дел является – перекур.

Собственно говоря, наш Фантомас не был исключением, в Советской стране перекур всегда оставался наиважнейшим элементом любого трудового процесса, любое, пусть даже самое незначительное, дело – всегда начиналось с большого перекура.

Пришел, стало быть, Фантомас к этому колодцу, снимает крышку и заглядывает внутрь. Видит, что труба течет.

– Нужно ставить чеку, – говорит он. – Сейчас перекурю и полезу в колодец.

Многим хорошо известно выражение: «Курение вредит вашему здоровью». Я бы добавил, что не только вредит, но и опасно для здоровья, в чем Фантомас и смог убедиться через некоторое время на своем личном опыте.

Сняв крышку люка, он сел на край колодца, опустив в колодец ноги, закурил сигарету и глубоко затянулся. Он курил неспеша, получая наслаждение от каждой порции вдыхаемого им табачного дыма, который медленно растекался по его легким. Вдыхаемый им никотин проникал глубоко в кровь, затем вместе с кровотоком попадал в мозг, вызывая слабое пьянящее ощущение. Покончив с сигаретой, когда от нее остался небольшой огарок, обжигающий его пожелтевшие от никотина пальцы, он бросил его в колодец. И тут произошло то, чего никто не ожидал...

Накануне в полку случилось ЧП – неприятная ситуация, точнее не в самом полку, а в парке военной техники, где в специальных бетонных боксах-хранилищах находилась вся колесная и гусеничная боевая техника полка: машины и танки. Возможно, что это была чья-то халатная оплошность, а возможно, и преднамеренное вредительство, кто знает? Но факт остается фактом – в топливе, которым должны были заправляться машины и танки, оказалась вода. Такое время от времени происходило в Советской стране: пока товар доходил до потребителя, он значительно уменьшался в размере и весе, а недостающую часть заменяли чем-то более дешевым, в данном случае водой. Скандал, а если это станет известно там, наверху, в дивизии, а возможно, и до округа может дойти, а там и до Москвы недалеко... «И не сносить тогда головы некоторым командирам и лишиться погон». Сами понимаете.

Причем воды в топливе было очень много, видать, его не раз разбавляли, пока оно пришло в часть, да и самого топлива было несколько тонн – целая цистерна. Если такое топливо залить в боевые машины, то не миновать беды, а если случится, не приведи Бог, война и в самый ответственный момент вся эта техника встанет? Тогда дело может закончиться и трибуналом. Не найдя ничего более умного, начальник ГСМ с подачи заместителя командира полка по тылу отдал приказ слить все это топливо в канализационную систему. Спрятать концы в воду. Несколько десятков тонн недоброкачественного горючего материала – солярки – были слиты «в трубу» – и в прямом, и в переносном смысле. И все было бы шито-крыто, если бы не одно но... Часть топлива ушла по канализационной системе в реку, а часть его скопилась в канализационных коллекторах и в образовавшихся низинах канализационной системы. Дело было летом. Как и накануне, так и в этот день светило яркое солнце и день выдался очень жарким. Топливо начало нагреваться, испаряться, стали образовываться пары, которые начали скапливаться во всей канализационной системе. Брошенный в колодец окурок сработал как детонатор. Взрыв распространился по всей канализационной системе с молниеносной быстротой как в самом полку, так и по всему городку. И в воздух почти одновременно взмыли все канализационные люки. Когда Фантомас очнулся, он лежал за несколько метров от несчастного колодца. Взрывом его подбросило вверх и отшвырнуло далеко в сторону. К счастью, в этом инциденте обошлось без жертв, не считая почти насмерть перепуганных мамаш и детишек, а также собак и кошек и сильно морально пострадавшего Фантомаса, который с той самой поры на всю оставшуюся жизнь зарекся перекуривать перед открытым канализационным люком. А какое наказание получили начальник ГСМ и заместитель командира полка по тылу, о том история умалчивает.

Вот такая вот случилась история.

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ

Служил в нашем полку один офицер. Замечательный, надо сказать, офицер, в прошлом отличник боевой и политической подготовки, с отличием закончивший военное училище и, казалось бы, перед которым должны были открыться все выдающиеся перспективы, о которых только мог мечтать офицер. Но так получилось, что все это для него оказалось в прошлом, когда в наш полк пришел новый командир полка. Старый командир пошел на повышение, а его место занял новый, молодой и амбициозный, офицер, которого к нам направили из другой дивизии, дислоцирующейся в то время в Витебске, в Белоруссии, прошедший Афган и закончивший военную академию, сами понимаете, перспективный офицер, возможно, что и с крепкими связями в министерстве... В армии говорят: «Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом». Вот и новый комполка, наверняка, мечтал дослужиться до генерала, а то и выше – стать маршалом!

И отчего-то невзлюбил новый командир полка нашего замечательного офицера. Бывает такое – нашла коса на камень. Что промеж ними произошло, какая там черная кошка промеж них пробежала – доподлинно не известно, но решил новый командир, как говорится на армейском жаргоне, зачморить, то бишь унижить нашего офицера, морально и физически. А следует добавить, что мама у нашего офицера была в прошлом знаменитая снайперша – очень она метко стреляла из ружья. Даже поговаривали, что завоевала титул чемпионки мира! Во как.

Имея такую маму, стало быть, что с самых младых ногтей, с самого детства наш офицер, следуя наставлениям мамы, стал заниматься спортом – стендовой стрельбой – это когда стреляют из ружья по летящим тарелочкам. Не по тем тарелочкам, о которых пишут в разных фантастических рассказах и показывают в фильмах про марсиан, а самым обыкновенным – маленьким диском в форме тарелки, которые запускаются в небо специальными машинами – катапульта называется, а люди по этим тарелочкам и «палят дуллетом» из обоих стволов, словно по уткам. Само собой разумеется, что долгие годы тренировок и родительские наставления мамы-чемпионки стали приносить свои плоды, стал наш офицер замечательно стрелять, да так наловчился, что стал он участвовать в разных соревнованиях и выигрывать призы, кубки, медали и почетные грамоты. Сначала, конечно, он выступал на районных и городских, а затем дошел до областных, и на республиканских выступал, и даже на союзных! Получил спортивный разряд, сдал на КМС, а потом и до МС добрался! Его даже одно время приглашали в спортивный клуб ЦСКА – защищать честь армии и флота и в целом страны на союзных и международных соревнованиях. Но вопреки открывавшимся перед ним перспективам продвинуться в спортивной карьере и стать знаменитым чемпионом, наш офицер предпочел посвятить себя нелегкому пути служения родному отечеству – родину защищать от врагов. Благо, что все шансы у него для этого были: в школе он учился хорошо, и спортом, как видно, он также увлекался. Поступил в военное училище, отучился положенные четыре года и получил вожденные офицерские погоны с двумя золотистыми пятиконечными звездочками по сторонам и голубой полоской в середине, быстро дослужился до капитана. Но, как уже было сказано выше, служба у нашего офицера отчего-то после этого не заладилась. К тому же командир попался привередливый, и все у него пошло наперекосяк.

Придумал новый командир злую «шутку» против нашего офицера: после утреннего развода полка брал офицер ружье и отправлялся стрелять ворон.

– Ты, – говорит командир, – метко стреляешь. Вот и перестреляй всех ворон, а то они все военное имущество и весь плац загадили, спасу от них нет.

Что тут скажешь – приказ есть приказ. Приказ командира – закон для подчиненного, с командиром не поспоришь, устав не позволяет. «Пункт первый: командир всегда прав. Пункт второй: если командир не прав, то смотри пункт первый» – так гласит солдатская мудрость.

Делать нечего, надо исполнять приказ.

Надо же так случиться, что ворон в полку, на несчастье нашего офицера, оказалось великое множество – трудно сказать, сколько именно, может, сотни, а может, и тысячи, и шуму они делали много, к тому же еще и обильно гадили, причем регулярно. Как рассядутся по деревьям и как начнут гадить, и все норовят угодить на какое-нибудь важное военное имущество, а то, бывало, взвоятся в воздух и так раскаркаются, хоть уши затыкай. Даже полковой оркестр не мог сравниться с ними по громкости. Представляете маршируют по плацу солдаты, чеканя шаг, проходя мимо трибун и отдавая честь высокому начальству, одобрительно махающему ручкой проходящим мимо них парадным коробкам. Командир берет под козырек и командует:

– Рота! Равнение направо! И-и раз!

А тут в самый ответственный момент, вороны как начнут каркать: «Кар-кар!» Да так громко, что заглушали звуки полкового оркестра, исполняющего марш «Прощание славянки».

В общем, полное безобразие.

Была еще одна заковырка, о которой мне следует упомянуть: вокруг полка, да и в самом полку, росло великое множество деревьев, огромные такие, с большими ветвями. Поговаривали, что их еще при царском режиме высадили для красоты. В те далекие годы в казармах этого полка, выстроенных в три этажа из красного кирпича, квартировали царские драгуны. Казармы были построены во времена Екатерины II. А посреди полка был возведен фонтан, вокруг которого в те далекие годы благородные девицы в сопровождении усатых кавалеров совершали променады. Сейчас фонтан не работал, в нем скапливалась дождевая вода, покрытая тиной, а самим фонтаном наслаждались разве что лягушки и головастики.

Следует еще добавить, что полк, о котором идет речь, дислоцировался в те годы в одной из республик Советского Союза – Литовской ССР. Теперь такой республики давно уже нет, и СССР тоже нет, и царского режима нет, и благородных девиц в длинных платьях и широкополых соломенных шляпках с ленточками, разгуливающих под ручку с драгунами, – тоже нет. Теперь это просто Литовская Республика – отдельное государство.

Так вот, берет наш замечательный офицер ружье и идет стрелять ворон – и так каждый день. Да разве их всех перестреляешь? Я недавно бывал в тех краях. Опустили казармы, пришел в запустение плац, и вся территория полка покрылась кустарником и молодыми деревьями, а вороны и поныне живут в тех самых местах и размножаются – на то они и вороны. Вот такая вот история.

ТАРАН

Многие из вас наверняка слышали такое слово – таран. Может, даже смотрели фильмы и читали, как в годы Великой Отечественной войны наши с вами отцы и деды шли на таран врага, чтобы не дать этому врагу завоевать нашу с вами любимую родину – Советский Союз. Так вот был такой случай и в моей жизни, и произошел он не в годы войны, а в самое обыкновенное мирное время.

Я тогда только еще начал свою службу на должности командира взвода. В тот год десантные войска впервые за всю их историю решил проинспектировать сам министр обороны нашей страны. А был в то время министром обороны Маршал Советского Союза Дмитрий Федорович Устинов. Человек он был сугубо гражданский, но форма на нем сидела замечательно, и фигура у него была подходящая – высокий, стройный, не в пример нынешним генералам, у которых животы выпирают из-под мундира. Дмитрий Федорович и не имел военного образования, но всю жизнь был связан с вооруженными силами, участвовал в борьбе с басмачами на Туркестанском фронте, боролся с врагами советской власти. Он хорошо знал и понимал нужды армии.

Так вот, Дмитрий Федорович решил проинспектировать воздушно-десантные войска, познакомиться с ними поближе, а заодно и показать знаменитые войска «дяди Васи», как их именовали в народе, иностранным гостям, и сделать он это намеревался на базе нашей 7-й ВДД. Сами понимаете, какое напряжение царило в нашей дивизии, пока шла вся эта подготовка к приезду министра обороны и иностранных гостей. Нужно было все как следует подготовить, облагородить территорию учебного центра, покрасить и вычистить казармы, учебные классы, боксы, где находилась военная техника, облагородить клумбы и высадить цветы. Одним словом, дел было невпроворот.

Был рядовой день, и меня, через посыльного, вызвал к себе командир. Посыльный сказал, что командир ждет меня на «многоцелевом плацу», который вытянулся в длину более чем на два километра, а в ширину был не менее пятидесяти метров. На этом плацу можно было выстроить всю колесную и гусеничную технику нашей дивизии в случае, если начнется война, – сосредоточить в одном месте для дальнейшей переброски. Еще этот плац мог использоваться как взлетная площадка для малогабаритных самолетов и военных вертолетов.

Подойдя к плацу, я увидел своего командира – подполковника Д., он и еще несколько офицеров в чине не ниже майора обсуждали какую-то, на первый взгляд, очень серьезную проблему. Я подошел к ним и стал терпеливо ждать, когда командир освободится.

Время от времени до меня долетали отрывки отдельных фраз.

– Я думаю, будем красить, – твердо заявил один из старших офицеров в чине полковника.

– Нужно будет много краски, – сказал другой, тоже полковник.

– И полосы нужно покрасить, – добавил мой командир подполковник Д.

Мне трудно было понять, о чем именно идет речь, я подошел, когда дискуссия уже была в полном разгаре. Оглядевшись по сторонам, я не обнаружил ничего такого, что, по моему мнению, нуждалось в покраске: ни забора тебе, ни стен и даже травы. В некоторых частях Советской армии такое время от времени практиковалось, когда особо рьяные командиры и начальники красили траву на клумбах и листья на деревьях, но вокруг плаца росли вечнозеленые сосны, а травы не было вообще, к тому же ее регулярно убирали, чтобы она своим присутствием не могла испортить строгий армейский антураж. Вдоль всего плаца тянулись бетонные бордюры, но и они были окрашены в свежую белую краску, и сделано это было не далее как месяц назад. Мой взгляд машинально переключился на разметку, нанесенную на плацу, прямые и круговые линии, выведенные на асфальте, но они были почти новые, разве что кое-где краску нужно было немного освежить. И в эту самую минуту до меня вдруг дошло: все эти

большие начальники собрались здесь, с важным видом рассуждают о том, что следует покрасить именно асфальт – сотни метров автомобильного плаца покрыть черной краской! Начальникам казалось, что асфальт недостаточно черный. А уж коль красить асфальт, то следует обновить и полосы. Но от дальнейших выводов меня отвлек голос моего командира.

– Подойдите сюда, – скомандовал он.

Я подошел и отдал честь, как положено в таких случаях, старшим по званию.

– Берите грузовик и отправляйтесь за дерном – и не тяните время. Дерн нужен сегодня, – приказал мне мой командир.

Его приказ, мягко говоря, меня слегка озадачил. Я не очень-то хорошо понимал, где я смогу достать дерн, к тому же это нужно было сделать срочно.

– Товарищ командир, – проговорил я не совсем уверенным голосом. – А где мне можно набрать грузовик дерна?

– Не знаю, – ответил командир. – Это не мое дело, но дерн нам нужен сегодня. Перед вами поставлена боевая задача, которую вы обязаны выполнить. Вам все понятно?! Проявите смекалку и доложите об исполнении, – ободряющим тоном закончил командир.

Мне ничего не оставалось как произнести:

– Есть!

Развернуться и идти исполнять приказ.

Сильно озадаченный и крайне удрученный, я отправился в парк за грузовиком. Водитель грузовика был веселый и бесшабашный солдат, с лихо сдвинутым на затылок беретом.

– Куда едем? – спросил он, широко улыбаясь.

– Не знаю, – ответил я, все еще пытаюсь сообразить, где я могу найти целый грузовик дерна, причем совершенно бесплатно, в отведенный для меня столь короткий срок.

Дерн – он хоть и похож на грязь, но на дороге не валяется и на деревьях не растет.

– А что делать-то надо? – спросил меня водитель.

Его веселый тон и беззаботность начинали меня понемногу раздражать. Перед человеком поставлена практически невыполнимая боевая задача, а он ухмыляется.

– Нужно найти дерн, – буркнул я, усаживаясь на сидение рядом с ним.

– Всего-то делов, – радостно заявил водитель. – Я знаю, где этого дерна хоть завались, и его никто не охраняет. Только кто этот дерн будет грузить? – его вопрос показался мне весьма разумным.

Я быстро сбежал в роту, и через несколько минут в моем распоряжении были еще два солдата, вооруженные штыковыми лопатами в придачу. Этот факт вселил в меня оптимизм, и, как говорится, вооруженный и окрыленный, я отправился добывать дерн.

Дорога к означенному месту лежала через военный аэродром, который в обычные дни, если нет никаких военных учений, боевых действий либо других ситуаций, требующих большого количества авиационной техники в отдельно взятом месте, пустовал и никем не охранялся. В те дни, когда аэродром был загружен, вокруг него выставлялась охрана, и тогда приходилось пользоваться объездной дорогой. Но зная, что аэродром сейчас не занят и там нет охраны, мы решили «дунуть» напрямик. Нужно было только на одном участке пересечь часть взлетной полосы – отрезок в триста метров или чуть более.

Подъехав к аэродрому, я вдруг заметил, что в самом дальнем от нас конце взлетной полосы стоит самолет Ан-2 – небольшой одномоторный биплан, который способен перевозить у себя на борту двух членов экипажа и одиннадцать парашютистов.

– Смотри, – сказал я водителю. – Там стоит самолет. Придется нам ехать по объездной дороге.

– Это большой крюк, – возразил водитель. – А так напрямки. К тому же самолет стоит на месте.

Действительно, приглядевшись, я увидел, что самолет не двигается. Возможно, что он просто стоит, к тому же вокруг самолета не было видно людей и сам аэродром казался мне безлюдным. Но мой внутренний голос мне подсказывал, что лучше нам не рисковать. Расстояние от нас до самолета было около километра – длина взлетной полосы. Нам нужно было проехать по полосе не более трехсот метров, затем свернуть на проселочную дорогу, идущую через лес. Мы направлялись в место, которое называлось Агуркишкис – небольшой хуторок недалеко от городка с таким же забавным для русского уха названием Казлу Руда, вокруг было много лесов и болот, и в этих местах издревле велись лесоразработки, варили деготь, добывали торф и плавил руду – может, от этого и пошло название этого городка. Торф же служил прекрасным сырьем для производства дерна, за которым мы, собственно говоря, и отправились. Ехать в объезд – это делать длинный крюк, более десяти километров, а так напрямик мы сокращали это расстояние в несколько раз.

Но мне не хотелось рисковать. К тому же со мной были люди.

– Думаю, не стоит, – в моем голосе слышалась неуверенность.

Я еще не решил окончательно, как же нам следует поступить.

– Проскочим, – сказал водитель.

И не успел я опомниться, как грузовик уже гнал по взлетной полосе. И в этот самый момент я с ужасом увидел, что лопасти винта самолета начали быстро вращаться, из его двигателя стали вырываться клубы черного дыма. Сорвавшись с места, самолет стал быстро набирать скорость. И, к моему ужасу, я увидел, что мы начали стремительно сближаться: с одной стороны грузовик, а с другой самолет, и с каждой секундой расстояние между нами сокращалось в геометрической прогрессии. Нос самолета был задран вверх, возможно, что летчики просто еще не успели нас заметить и самолет продолжал быстро двигаться по взлетной полосе в нашу сторону. Я почувствовал, что все мои конечности словно бы пронзило электрическим разрядом, я буквально вжался от страха в сиденье, и все мое тело оцепенело от ужаса. Я понимал, что с каждым мгновением мы становимся все ближе и ближе к неизбежной катастрофе. В это самое мгновение водитель резко ударил по тормозам, машину начало сносить в сторону, и она юзом покатилась по бетонному покрытию взлетной полосы. Я посмотрел на водителя и увидел, что его лицо стало белым, словно только что выпавший снег, а глаза округлились до невероятных размеров.

В такие минуты говорят, что мы вспоминаем всю нашу жизнь. Она проходит перед нашими глазами за долю секунды. Я не помню, чтобы в этот момент перед моими глазами прошла вся моя жизнь, да, собственно говоря, и вспоминать-то было нечего, настолько она была короткой, что, возможно, пронеслась так быстро, что я даже этого и не заметил. Единственное, что у меня отчетливо отпечаталось в мозгу – это то, что нужно было немедленно реагировать на сложившуюся ситуацию. Назад дороги не было. Даже если бы мы сейчас развернулись и поехали в обратную сторону, то у нас все равно не хватило времени съехать с полосы. Свернуть в сторону мы не могли, так как неизбежно могли просто перевернуться, к тому же справа и слева от полосы было болото, сплошь усеянное кочками, и машина просто могла застрять или увязнуть в грязи. Единственным верным на тот момент решением было – двигаться только вперед.

– Гони! – скомандовал я водителю, и моя левая нога, дотянувшись до педали газа, вдавила ее в пол. – Жми на газ!

Медлить было нельзя, дорога была каждая секунда, самолет продолжал двигаться в нашу сторону. Водитель быстро переключил передачу на пониженную, и мотор взвыл, словно раненый зверь, машина начала ускоряться, с каждой секундой набирая скорость, двигаясь навстречу самолету: триста метров, двести метров... И вот уже расстояние должно сократиться до самого критического, после которого неминуемо столкновение...

Все это выглядело полным безумием, казалось, что мы сошли с ума и решили протаранить воздушное судно. Об этом мне потом рассказывали диспетчера, которые наблюдали за всем происходящим с диспетчерской вышки в полной уверенности в том, что еще мгновение, и мы столкнемся лоб в лоб с самолетом. Когда между нами и самолетом остаются буквально считанные метры, водитель резко дернул рулем влево, и нас вынесло на проселочную дорогу, а самолет, пройдя в нескольких метрах от нас, взмыл в небо. Уверен, что, как и для нас, эти несколько мгновений для людей, находящихся в кабине самолета, показались вечностью.

Мы ехали очень быстро, пытаясь как можно скорее убраться от этого злополучного места. Я понимал, что эта наша выходка не останется без внимания начальства. К тому же в этот день, на наше «счастье», на вышке находился начальник артиллерии дивизии. Конечно же, нашу машину быстро вычислили по номерам, и мне пришлось объясняться за мою выходку. Я получил строгий выговор. Меня спасло то, что все это закончилось без серьезного происшествия и никто не пострадал. Водитель машины чуть было не лишился водительских прав, но я взял всю вину на себя, сказав, что за рулем грузовика находился именно я, и права забрали у меня. Только спустя много лет мне их удалось восстановить. Это не был благородный жестом с моей стороны, я понимал, что, как начальник и командир, был повинен в сложившейся ситуации. Я не проявил твердость, и по моей вине могли погибнуть люди.

Что касается дерна, то я его успешно достал и привез в часть.

«А как же асфальт? – спросите вы. – Его покрасили?»

Спешу вас успокоить: начальство долго спорило по этому поводу, но решило, что им не уложится в отведенный срок, и от идеи пришлось отказаться, удовлетворившись только покраской бордюров и разделительных полос белой краской.

Вот такая вот история со мной приключилась.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ОТПУСКА

Служил у нас в артиллерийском полку один молодой лейтенант, только после училища, по фамилии Москвин. Хорошо служил.

Однажды Москвин отправился в очередной, положенный ему законом ежегодный отпуск – тридцать суток без учета времени на проезд – навестить маму, которая жила в деревне в Тульской области.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.